

ГЛАВА 3

Имя Данте Алигьери встречается в флорентийской хронике впервые в 1289 году: он сражался в битве против соседнего с Флоренцией города Ареццо. По-настоящему Данте стал участвовать в политической жизни после 1295 года, когда в конституцию (так называемые «Установления справедливости»), принятую в 1293 году и отстранявшую дворян от управления городом, были внесены поправки. Конституция 1293 года, утвержденная богатыми пополанами, при поддержке мелкого люда, в целом была направлена против знатных сеньоров, которые после победы над Ареццо, одержанной с помощью дворянской конницы, начали притеснять пополанов, «чинить насилие над их личностью и отнимать имущество» (Виллани). Но закон, лишавший сеньоров политических прав, коснулся всего городского дворянства, в том числе и Данте.

В июле 1295 года новые правители, испугавшись, с одной стороны, заговора сеньоров, а с другой стороны, чрезмерной активности «тощего народа», внесли в конституцию поправки, разрешавшие небогатым дворянам приписываться к какому-либо цеху (даже если они не

занимались цеховой деятельностью) и избираться в правительство¹.

В этом же году Данте записался в цех аптекарей и медиков. Вероятно, этот цех привлек его тем, что там были люди ученые и, кроме того, художники, а к живописи он питал особое пристрастие и даже сам рисовал. Вскоре после того, как он записался, его избрали членом Особого Совета при Народном Капитане.

В 1296 году его снова избрали в этот Совет, а затем в Совет Статута. В 1297 году его опять избирают в один из Советов.

Несмотря на то что стоявшие у власти «жирные» пополнили пошли на уступки в надежде добиться всеобщего умиротворения, атмосфера во Флоренции во второй половине 90-х годов осталась накаленной.

Среди правящей гвельфской партии, пишет Дино Компаньи, началась борьба за власть, приведшая к расколу. Соперничали между собой два рода: Черки и Донати. По свидетельству того же Дино, семейство Черки было низкого происхождения, но богатое. Донати — знатные и воинственные дворяне — свое богатство постепенно теряли. В лице Черки они столкнулись с «новыми» людьми — купцами и банкирами.

Черки, ловкие политики, сумели заручиться поддержкой не только зажиточных горожан, но и «тощего» народа. Кроме того, их поддерживали оставшиеся гибеллины и близкая к гибеллинам судейская прослойка. Донати — старая гвельфская знать, оскудевшая, но жадно рвущаяся к власти, с ненавистью смотрела на выскочек. Глава рода Донати — Корсо — всегда был среди заго-

¹ См. об этом: Л. М. Баткин, Флорентийские гранды и поправки 6-го июля 1295 г. к «Установлениям правосудия». — Сб. «Средние века», изд. АН СССР, М. 1961, вып. 20, стр. 75—97.

ворщиков и, вероятно, мечтал стать правителем Флоренции. В городе его не любили, и в начале 1299 года, после открытого столкновения его сторонников с Черки, ему пришлось уйти в изгнание.

Весной 1300 года после очередной уличной стычки весь город поделился: одни поддерживали Черки, другие — Донати. В эти флорентийские распри вмешались и изгнанники из Пистойи. Знатные пистойские дворяне Канчельери враждовали между собой, у одной ветви Канчельери герб был «белый», у другой — «черный». За бесконечные раздоры пистойцы изгнали зачинщиков: черные Канчельери нашли приют у сторонников Донати, белые — у Черки. По ним, начиная с весны 1300 года, и стали называть во Флоренции партию Донати — черными гвельфами, а партию Черки — белыми¹.

Распрая между Черки и Донати, превратившаяся в борьбу между белыми и черными, вышла за пределы Флоренции. С особым вниманием выслушивал донесения о внутрифлорентийских раздорах папа Бонифаций VIII. Джованни Виллани характеризует его как человека учёного, умного, но чрезвычайно жестокого, жадного и честолюбивого. Бонифаций мечтал подчинить себе Тоскану, и в первую очередь — Флоренцию. Во Флоренции у него были свои доверенные лица: банкиры, соперничавшие с Черки. Они поддерживали связи с черными и внушили папе, будто белые склоняются к противникам папы — гибеллинам. Пользуясь этим предлогом, папа решил вмешаться во флорентийские дела. Симпатии его были на стороне черных, но он надел на себя маску миротворца.

¹ Подробно о политической борьбе между белыми и черными см. в кн.: А. К. Дживелегов, Данте Алигиери, Гослитиздат, М. 1946, стр. 127—161, и Л. М. Баткин, Данте и его время. Поэт и политика, изд. «Наука», М. 1965, стр. 79—100.

В 1300 году, когда флорентийцы узнали о намерении папы захватить Флоренцию, отношения между ними и Бонифацием начали осложняться, тем более что власть в городе, после изгнания Корсо Донати, фактически принадлежала белым. Тем не менее папа упорно продолжал разыгрывать роль миротворца. В начале июня во Флоренцию прибыл его легат кардинал Маттео Акваспарта с миссией примирить черных и белых. Он предложил созвать смешанный приорат (правительство), но белые наотрез отказались.

15 июня 1300 года флорентийцы в очередной раз избрали приоров (такие выборы устраивались каждые два месяца). Среди избранных был и Данте Алигьери. Был ли он настоящим приверженцем Черки? Историки отвечают на этот вопрос отрицательно¹. Почему же он встал на сторону белых? Вероятно, большую роль сыграли личные симпатии или, вернее, антипатии. Такой человек, как Корсо Донати, не мог не вызвать у Данте чувства неприязни. Но сводить все только к антипатии, которую Данте должен был питать к Донати, было бы, конечно, неправильно. Вероятно, Данте отталкивали не только тиранические наклонности Корсо, но и связи черных с Бонифацием, стремившимся лишить Флоренцию независимости. Для Данте же независимость его города была важнее всего.

Новый приорат, куда вошел Данте, не очень считался с «советами» кардинала. После уличной стычки в канун праздника Иоанна Крестителя 23 июня 1300 года, когда знатные дворяне напали на торжественную процессию цехов, приоры решили изгнать наиболее воинственных сеньоров, как черных, так и белых, хотя белые в этом

¹ См. А. К. Дживелегэв, Данте Алигиери, Гослитиздат, М. 1946, стр. 142—143.

нападении не участвовали. Черные, которых поддерживал кардинал, не подчинились. Им на помощь готово было двинуться войско из Лукки. Но Данте и его товарищи послали в Лукку грозное письмо и приказали крестьянскому ополчению занять все горные проходы. Эти меры подействовали, и лукканцы не выступили.

В середине августа полномочия Данте и его товарищей истекли, но их преемники продолжали ту же политику. Кардинал, видя, что миссия его провалилась, в сентябре уехал, отлучив от церкви своих наиболее ярых противников.

Черные, однако, не сдавались и продолжали вести через своих агентов тайные переговоры с папой. Папа обратился за помощью к французскому принцу Карлу Валуа, под предлогом подготовки к крестовому походу. И летом 1301 года французский принц со своими войсками явился в Италию.

Черки и их сторонники не принимали решительных мер и понемногу начали склоняться к капитуляции. Белых, которые не хотели идти на компромисс с папой, оставалось все меньше. Среди них был Данте, он продолжал заниматься политической деятельностью, его избирали и в Совет Мудрецов и в Совет Статутаров, где он выступал против уступок Бонифацию.

В августе Карл Валуа прискакал со своим отрядом в Болонью, немедленно к нему направились посланцы черных, а вслед за ними официальные послы белых. Белые держали перед Карлом почтительно-льстивые речи, но ему выгоднее было прислушиваться к тому, что говорили черные.

В начале сентября Карл, миновав Флоренцию, приехал в городок Ананьи, в папскую резиденцию. Флорентийское правительство понимало, что надвигается серьезная угроза, и струсило. Вождь белых Вьери Черки

не готовился обороныть город. Другие гвельфские города были явно не расположены прийти на помощь Флоренции. Белые решили мириться с папой и срочно направили к нему трех послов. Среди них был и Данте. Бонифаций милостиво принял послов, заверил, что никто в городе от примирения враждующих сторон не пострадает, но потребовал, чтобы Флоренция покорилась ему. Двое послов вернулись во Флоренцию, везя папскую буллу с обещаниями мира и безопасности. Данте Бонифаций задержал у себя. Почему, этого мы не знаем. Может быть, потому, что Данте был честнее и принципиальнее своих товарищей и меньше доверял Бонифацию.

Между тем Карл Валуа в октябре вошел в Сиену и отправил своих послов во Флоренцию. Послы заявили, что Карл от имени Бонифация хочет установить мир во Флоренции: примирить флорентийцев с церковью и примириить их друг с другом. Он клянется в том, что никогда не предавал ни друзей, ни врагов. Вьери Черки и его сторонники поверили и лживой клятве Карла, и лицемерным обещаниям Бонифация. Поверили потому, что страх застилал им глаза. Черки побоялись вовремя обратиться к «тощему» народу и вооружить его, поскупились на то, чтобы подготовить город к обороне, запасти продовольствие. Теперь они не были готовы к войне, и поддержки ждать было неоткуда.

Первого ноября 1301 года Карл вступил во Флоренцию. Ему навстречу вышла процесия граждан, воины несли знамена, вели лошадей, покрытых шелковыми пономами. Солдаты Карла фактически заняли весь город. Белые приоры метались, они понимали, что сдались на милость победителя, и пытались избежать полного разгрома. Они созывали совещания, вели переговоры с Карлом. Но было уже поздно. Часть белых грандов перешла на сторону черных, которые все больше наглели и во-

брожались. Ремесленники в любой момент готовы были выступить против черных, но их старейшины растерялись, приоры капитулировали, в городе царила паника. 6 ноября приоры согласились, чтобы город охраняли французы, и флорентийские солдаты ушли со своих постов. Через несколько часов после этого Карл нарушил свою клятву, и французы впустили в город изгнанников из «черного» лагеря. Торжественно въехал во Флоренцию под восторженные крики его соратников Корсо Донати. Белые ударили в набат, но на его звон никто не откликнулся. Люди притаились и не выходили из домов. Корсо выпустил из тюрьмы своих сторонников и заодно всех преступников. Начался погром. Запылали дома. Черные нападали на белых, грабили и убивали их, насиловали девушек. К ним присоединились французские солдаты и выпущенные из тюрьмы преступники. Сам Карл вынуждал богатых пополанов отдавать ему их добро. Шесть дней длился погром. А затем 7 ноября Совет Старейшин распорядился создать новую сеньорию. Во главе ее встали черные.

Страшное известие о флорентийском погроме застигло Данте в пути, когда он ехал из Рима во Флоренцию. Он понял, что возвращаться во Флоренцию в этот момент значило самому положить голову под топор, и решил переждать. Но дальше обстановка во Флоренции сложилась такая, что ему и думать нечего было о возвращении. Когда кончился погром, начался террор.

«Многие были обвинены,— пишет Дино Компаний,— и их заставляли признаться, что они участвовали в заговоре, хотя они не участвовали, и они должны были платить штраф в 1000 флоринов. Тех, кто не являлся, судили заочно, приговаривали к конфискации имущества и смертной казни. Тех, кто платил штраф, вновь обвиняли и безжалостно изгоняли из Флоренции». Жертвы

намечали заранее, применялся шантаж и пытки, от доносов переходили к провокациям.

В следующем году репрессии не только не затихли, а еще больше усилились.

«Правосудие» черных коснулось и Данте. 27 января 1302 года его, как и многих других, заочно обвинили в мошенничестве и в подстрекательстве к мятежу. Доказательств у обвинителей не было, да они и не требовались. Данте присудили к уплате штрафа, к двухлетнему изгнанию из Флоренции с конфискацией имущества. Дом его должен был быть срыт до основания. Кроме того, ему и другим обвиняемым было предписано в трехдневный срок явиться к подеста (верховному судье).

Данте и его товарищи не явились. 10 марта подеста вынес второй приговор. В нем говорилось, что неявка подсудимых подтверждает и усугубляет их вину и потому они присуждаются к сожжению на костре. Дом Данте был срыт до основания. Жена и дети, по-видимому, сначала выехали из Флоренции, затем, когда все успокоилось, вернулись обратно. (Дети приехали к отцу, уже когда были взрослыми, а увидел ли он когда-нибудь жену, мы не знаем.) Флоренция закрыла перед ним свои ворота: начались годы изгнания.

Современные историки, говоря о политической деятельности Данте, склонны, как нам кажется, несколько преувеличивать его роль в острой борьбе, разыгравшейся между черными и белыми. Характерно, что в хронике Дино Компани имя Данте упоминается лишь один раз, и то мимоходом, в списке высланных белых, а ведь Дино был белым и был членом правительства. Джованни Виллани посвятил Данте целую главу, где он называет его одним из главных правителей города. Но глава написана уже после смерти Данте, когда имя поэта было широко известно как творца «Божественной комедии».

В главах же, написанных ранее и посвященных борьбе черных и белых, о нем нет ни слова. Обвинить этих хронистов в нарочитом принижении политической роли Данте у нас нет оснований. Очевидно, современники не считали его видной политической фигурой. И если флорентийцы впоследствии не хотели его амнистировать, то виной тому его позднейшая публицистика. И тем не менее мы не вправе пренебречь этой стороной жизни Данте, так как она имела чрезвычайно важное значение для его творчества. Если Данте не мог видеть за борьбой белых и черных экономических или социальных противоречий, то в этом нет ничего удивительного. Нравственную же сторону всего того, что произошло на его глазах или было передано ему очевидцами, он воспринял очень остро. А изгнание еще усилило эту остроту. Он увидел кровавое насилие вчерашних рыцарей, рвущихся к власти, вероломство духовного владыки, трусость и сквердность купцов и банкиров, боящихся потратить деньги для защиты своего города. Он увидел слабость, подлость, измену. Распри между горожанами представились ему как страшная кровавая резня, как дымный пожар, среди которого мечутся обезумевшие люди. И именно это видение, а не фантастические легенды о загробном мире, в первую очередь вставало в его воображении, когда он писал «Ад».